

От редакции

Цифровизация оказывает влияние на существующую систему права. В доктрине все чаще обсуждается вопрос о том, что цифровизация приведет к переосмыслению деления права на частное и публичное. Более того, слышны призывы объявить искусственный интеллект (далее — ИИ) субъектом права. «Цифровой» ревизии подверглись такие, казалось бы, неизменные отрасли, как диффамационное и наследственное право. Редакция журнала «Цифровое право» (*Digital Law Journal*) обсудила вызовы, которые ставит перед юридическим сообществом цифровизация, с Татьяной Сергеевной Яценко.

Яценко Татьяна Сергеевна — руководитель департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент. Окончила юридический факультет Ростовского государственного университета в 1999 г. В 2001 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Шикана как правовая категория в гражданском праве». В 2016 г. в Диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Гражданско-правовая охрана публичных интересов» (научный консультант доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Е.А. Суханов). В сфере научных интересов Татьяны Сергеевны входят проблемы наследования цифровых активов; защита нематериальных благ и личных неимущественных прав в интернете; охрана прав инвесторов в краудфандинге.

ИНТЕРВЬЮ

КАКИЕ БЫ ТЕХНОЛОГИИ НИ ПОЯВЛЯЛИСЬ, МЫ ОСТАЕМСЯ ЛЮДЬМИ

Интервью с Татьяной Яценко

Т.С. Яценко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
109028, Россия, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3

Ключевые слова

цифровое право, интернет-право, Интернет, цифровой субъект, социальные сети, правосубъектность

Для цитирования

Яценко, Т.С. (2023). Какие бы технологии ни появлялись, мы остаемся людьми. *Цифровое право*, 4(2), 8–14. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-2-8-14>

INTERVIEW

WHATEVER TECHNOLOGY APPEARS, WE REMAIN HUMAN

Interview with Tatiana Yatsenko

Tatiana S. Yatsenko

Higher School of Economics (HSE University)
3, Bolshoy Trekhsvyatitelskiy Pereulok, Moscow, Russia, 109028

Keywords

Digital Law, Internet Law, Internet, digital entity, networks, legal personality

For citation

Yatsenko, T.S. (2023). Whatever technology appears, we remain human. *Digital Law Journal*, 4(2), 8–14. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-2-8-14>

– Татьяна Сергеевна, в последнее время в доктрине возобновились споры относительно деления права на отрасли¹. Не последнюю роль в этом сыграло развитие цифровых технологий. Можно ли говорить о том, что сейчас мы наблюдаем формирование новой отрасли права — цифрового права?

– Любое деление права всегда условно и преследует прежде всего научные и образовательные цели. Взять, к примеру, классическое разграничение частного и публичного права, по поводу оснований которого в науке существует множество теорий. Но даже Ульпиан, на которого в этом случае принято ссылаться, говорит лишь о структурировании учебных дисциплин, о том, что «изучение права распадается на два положения: публичное и частное (право)»², а вовсе не о фактическом разграничении права на публичное и частное. И это логично, поскольку римское частное право охраняло не только частные, но и публичные интересы.

Очевидно, современное деление права на отрасли преследует ту же цель, поскольку система национального права едина и подчиняется общим принципам. В отраслях частного права довольно много публично-правовых по своей природе норм; в публичном праве встречаются частноправовые нормы. Общественные отношения могут составлять предмет регулирования одновременно частного и публичного права.

Предвосхищая Ваш вопрос о неактуальности выделения отраслей по критериям предмета и метода, отмечу, что от него, на мой взгляд, отказаться сейчас невозможно. Использование данных критериев необходимо для понимания специфики связанных между собой норм. Сохраняют эти критерии и свое практическое значение.

Я не вижу специфики предмета и метода у цифрового права. Возможно, она появится в будущем, и мы сможем с уверенностью говорить о самостоятельном характере отрасли цифрового права. Пока же его составляют публично-правовые и частноправовые нормы, которые при их применении не утрачивают своей природы, функционального назначения и особенностей при воздействии на складывающиеся в цифровой среде отношения.

– В одной из своих статей³ Вы затрагиваете проблему так называемой цифровой идентичности, которая обеспечивает каждому человеку истинное существование в цифровых системах. Не требуется ли, на Ваш взгляд, переосмысление традиционных категорий «правосубъектность», «правоспособность» в контексте цифровизации? Ведь в доктрине все чаще слышны призывы признать, к примеру, в качестве субъекта права искусственный интеллект?

– Когда мы говорим об идентичности человека, мы имеем в виду прежде всего разные атрибуты его личности: имя, изображение, голос и другие нематериальные блага, которые, с одной стороны, индивидуализируют человека, а с другой — могут быть объектами имущественного оборота.

¹ См., например: Рожкова, М.А. (2020). Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? *Хозяйство и право*, (4), 3–13; Талапина, Э.В. (2021). Сравнительное цифровое право: становление и перспективы. *Журнал российского права*, 25(9), 18–32. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.108>

² Кофанов, Л.Л. (отв. ред., пер.) (2002). *Дигесты Юстиниана* (т. 1). Статут.

³ Яценко, Т.С. (2022). Предупреждение правонарушений в цифровой среде: гражданско-правовой аспект. *Российская юстиция*, (5), 71–74.

В цифровой (виртуальной) среде содержание идентичности человека приобретает специфику, которую современное право, к сожалению, не учитывает. Поэтому возникают проблемы, связанные, например, с установлением личности анонимных участников виртуального пространства, их идентификацией и аутентификацией, легализацией сделок с никнеймами, которые по своей природе представляют собой псевдонимы и поэтому в силу действующего регулирования являются неотчуждаемыми от их носителей объектами, с признанием правового статуса аватара как *alter ego* физического лица в Сети, и многие другие.

Решение этих проблем, в том числе на законодательном уровне, требует учета специфики цифровой среды, но не означает, что нужно пересматривать традиционные правовые категории. Изменяются ли понятия «субъект права» или «правосубъектность», если состав субъектов будет расширен, например, за счет ИИ? История с признанием правосубъектности юридических лиц позволяет дать на этот вопрос отрицательный ответ. Другое дело, что закрепление за ИИ статуса субъекта потребует такого регулирования режима его функционирования, которое отвечало бы общему назначению категории субъекта права.

В этой связи прав профессор Е.А. Суханов, который полагает, что условием признания ИИ в качестве субъекта права должно стать наделение его имуществом. Однако в этом случае ИИ, который «обитает» в цифровом пространстве, приобретет целый ряд преимуществ перед людьми, поскольку, например, торгуя на бирже, заключая разного рода сделки, он сможет использовать огромный массив информации, которая недоступна большинству других участников оборота. Разумеется, в связи с признанием правосубъектности ИИ могут возникнуть проблемы и этического толка. Поэтому, прежде чем принимать такое решение, нужно просчитать риски и создать систему их предупреждения в связи с участием ИИ в имущественном обороте.

– В литературе по теории права нередко высказывается гипотеза, согласно которой негативной чертой цифровизации является появление новых ценностных (аксиологических) установок, что приводит к формированию особого (чаще негативного) отношения к праву (формируется недоверие к закону, правовое сознание поражается правовым нигилизмом). Наиболее ярко эту проблему можно проиллюстрировать на примере коллизий позитивного закона и пользовательских соглашений. Для субъектов интернет-отношений важнейшее значение приобретают именно пользовательские соглашения, тогда как позитивное право остается в тени. Как, по Вашему мнению, можно преодолеть указанную проблему?

– Действительно, сегодня очевидным становится вмешательство крупных интернет-компаний в сферы, которые традиционно регулируются императивными нормами национального законодательства. Наиболее яркий пример — разработанный Ассоциацией интернет-компаний модельный документ о доступе к отдельным видам цифровых активов в связи со смертью их владельца — *Privacy Expectation Afterlife and Choices Act (PEAC)*⁴. Фактически этот документ регулирует наследственные отношения в виртуальной среде, поскольку устанавливает режим доступа к учетной записи умершего лица, в том числе в связи с необходимостью управления имуществом наследодателя. Еще один пример — когда в пользовательских соглашениях отдельных интернет-ресурсов в качестве условия определения юридической судьбы цифровых активов на случай смерти предусматривается составление электронного завещания, которое запрещено российским законодательством (п. 1 ст. 1124 ГК РФ). В этой связи возникает

⁴ NetChoice (2015, July 20). *Privacy Expectation Afterlife and Choices Act (PEAC)*. <https://www.fiduciarylawblog.com/wp-content/uploads/2015/07/PEAC.pdf>

парадоксальная ситуация: составление такого завещания нарушает закон, но для завещателя является единственным способом преодолеть ограничения пользовательских соглашений в сети Интернет.

Но приводит ли коллизия позитивного права и пользовательских соглашений к формированию негативного отношения к праву, недоверия к нему? Думаю, что нет.

В большинстве случаев люди не осознают подобные коллизии. Проблема заключается в другом. Люди не всегда знают содержание норм национального законодательства, но вынуждены знакомиться с пользовательскими соглашениями, поскольку без соответствующей отметки об ознакомлении невозможно получить доступ к интернет-ресурсам.

Кроме того, поскольку существенная часть жизни человека проходит в цифровой среде, он вынужден подчиняться тем правилам, которые устанавливаются пользовательскими соглашениями (просто потому, что от этого зачастую зависят его заработок, общение и досуг). Несоблюдение этих правил легко контролировать с помощью технических средств, а потом применять к нарушителю санкции, вплоть до отлучения его от доступа к ресурсу. Обеспечить подобный тотальный контроль за соблюдением своего законодательства не способно сегодня ни одно государство.

Очевидно, для любого государства является проблемой приоритет, который субъект отдает пользовательскому соглашению перед законом. Я думаю, что если интернет-компания желает действовать на определенной территории, она должна неукоснительно соблюдать национальное законодательство. И это требование должно быть закреплено в законе. Кроме того, выработка разными странами унифицированных правил в отношении интернет-компаний позволит обеспечить соответствие их пользовательских соглашений действующему законодательству.

– Кажется, Вы были одной из первых, кто указал на трудности, которые испытывает российское наследственное право в связи с появлением цифровых прав⁵. Какие проблемы на сегодня так и не решены в этой сфере? И что бы Вы могли посоветовать для их преодоления?

– Прежде всего отсутствует определенность в составе прав, включаемых в наследственную массу, поскольку согласно ст. 128 и 141.1 ГК РФ цифровыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные имущественные права, однако эти права не конкретизированы. Очевидно, их состав должен быть уточнен.

Кроме того, не решена проблема обеспечения доступа наследников к коду (логину, паролю, криптокошельку и т.п.), если наследодатель не оставил никакой информации. В этой ситуации получить цифровые права по наследству практически невозможно.

За рубежом предпринимаются некоторые попытки решить эту проблему. Например, в США разработан Единообразный закон о доступе фидуциаров к электронным активам (*Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (FADA)*), который предусматривает право владельцев цифровых активов передавать их хранителям информацию о лицах, которые вправе получать доступ к данным активам. Правда, речь пока идет лишь об аккаунтах в социальных сетях, платежных системах и службах электронной почты. Схожим образом в Нидерландах Ассоциация нотариусов поддержала разработку цифрового хранилища, в котором клиенты смогут хранить свои цифровые данные, включая коды доступа.

⁵ Яценко, Т.С. (2019). Наследование цифровых прав. *Наследственное право*, (2), 11–14.

Возможно, Федеральная нотариальная палата могла бы в будущем создать подобное хранилище, в котором можно было бы по желанию наследодателя размещать информацию о цифровых активах и кодах доступа к ним. Пока же система оборота цифровых прав такова, что мы не можем установить принадлежность цифрового права гражданину, если такая информация отсутствует.

Не решена и проблема наследования аккаунтов. Это связано с тем, что их правовая природа пока не определена. И в этой связи возникает закономерный вопрос: если интернет-аккаунт ассоциируется с личностью его владельца, обладает имущественной ценностью как для самого владельца, так и для его наследников, то почему бы не разрешить оборот аккаунтов, в том числе их наследование? В зарубежных странах оно разрешено. Наследники зарабатывают большие суммы на использовании аккаунтов умерших знаменитостей: певцов, актеров, музыкантов. Например, по данным *Forbes*, на использовании аккаунтов Майкла Джексона в социальных сетях в 2020 г. его наследники заработали более 40 млн долл.⁶ Очевидно, нет никаких препятствий к тому, чтобы легализовать аккаунты в социальных сетях в качестве объектов гражданских прав и в России, разрешить сделки с ними и их наследование.

– Анонимность в Интернете создает плодородную почву для всевозможных нарушений, в том числе посягающих на честь и достоинство личности. Для России эта проблема наиболее актуальна, так как система мер защиты граждан, пострадавших от диффамации в Сети, недостаточно эффективна. Существует ли, на Ваш взгляд, наиболее оптимальный механизм борьбы с диффамацией анонимных пользователей?

– Действительно, используемые в России подходы к борьбе с диффамацией в Интернете недостаточно эффективны. Если личность анонимного нарушителя, который распространил в сети порочащую честь, достоинство или деловую репутацию гражданина информацию, установить невозможно, то наказывать никого не будут. Как пояснил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова», интернет-провайдеры, владельцы доменных имен и другие субъекты в случае, если порочащие сведения были распространены на принадлежащем им ресурсе, ответственности не несут, кроме случаев, когда такой ресурс зарегистрирован в качестве средства массовой информации. Конституционный Суд РФ объяснил исключение ответственности указанных лиц за диффамационный контент, размещенный анонимными пользователями, общим принципом юридической ответственности за вину. Думается, что подобное положение весьма неоднозначно, поскольку зачастую владельцы сайтов размещают рекламу на принадлежащих им ресурсах, что может свидетельствовать об осуществлении предпринимательской деятельности, следовательно, об ответственности без вины.

Как мне кажется, в некоторых странах существует оптимальный механизм борьбы с диффамацией анонимных пользователей. К примеру, в Великобритании, если анонимный пользователь, который распространил порочащие сведения в сети Интернет, не обнаружен, к ответственности будет привлечен информационный посредник. Считается, что такой подход обеспечивает реальную защиту интересов потерпевшего, поскольку, кроме всего прочего, это побуждает владельцев сайтов помогать суду в идентификации анонимных пользователей.

⁶ Богатырев, Т. (2020, ноябрь 13). *Forbes назвал умерших знаменитостей с самыми высокими доходами*. Forbes. <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/413747-forbes-nazval-umershih-znamenitostey-s-samyimi-vysokimi-dohodami>

Кроме того, государствам важно договориться и унифицировать ответственность за диффамационное поведение анонимных пользователей в сети Интернет, что позволит создать действенный механизм предупреждения нарушения, независимо от места его совершения или страны проживания потерпевшего и правонарушителя.

– В заключение хотелось бы задать вопрос, обращенный в будущее: каков Ваш прогноз по поводу места и значения права в XXII в.?

Как мне кажется, мир развивается, а психология человека остается неизменной и требует от этого мира упорядоченности и стабильности. Обеспечить данную потребность может только право, функциональное назначение которого по этой причине останется неизменным и в XXII в. Чтобы ни менялось, какие бы новые технологии ни появлялись, мы остаемся людьми, для которых важен порядок!

Сведения об авторе:

Яценко Т.С. — доктор юридических наук, доцент, руководитель департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

tyatsenko@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0876-2224>

Information about the author:

Tatiana S. Yatsenko — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private Law, Faculty of Law, HSE University, Moscow, Russia.

tyatsenko@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0876-2224>